

РОЖДЕСТВО НА ОСТРОВѢ ХІОСѢ.

Не смотря на разрушеніе, произведенное недавнимъ землетрясеніемъ, безпорядки турецкаго управленія и общій упадокъ нѣкогда богатаго, цвѣтущаго греческаго острова Хіоса, провести тамъ Рождество чрезвычайно пріятно. Холодовъ не бываетъ до января, сады полны цвѣтовъ, видъ на море и малоазійскія горы великолѣпный, а хіосскія долины свергаютъ спѣлыми лимонами, апельсинами и другими прелестными плодами. Чудесная обстановка заставляетъ забывать о лежащихъ въ развалинахъ улицахъ и деревняхъ, среди которыхъ, быть можетъ, погребены многіе, и о томъ, что оставшіеся въ живыхъ не имѣютъ до сихъ поръ другихъ жилищъ, кромѣ легкыхъ деревянныхъ домиковъ, группами стѣснившихся на открытыхъ пространствахъ и посящихъ названія тѣхъ кораблей, экипажи которыхъ подали помощь хіосцамъ во время постигшаго ихъ пять лѣтъ тому назадъ бѣдствія.*)

Хіосъ служитъ нагляднымъ примѣромъ того, какъ исчезли цѣлыя города прошлаго. Прекрасныя каменные зданія, простоявшія болѣе двухъ-сотъ лѣтъ, со времени землетрясенія не поправляются, и разрушеніе дѣлаетъ свое дѣло по немножку; кругомъ строятся непрочныя, полудеревянные, полуизвестковыя дома; гавань

завалена обломками; старинная генуэзская крѣпость на берегу едва держится, и кажется, что одинъ выстрѣлъ изъ единственной на ней пушки, разрушилъ-бы ее до основанія. Одни только высокія, изящныя колокольни деревьевъ устояли противъ толчковъ почвы, и набожные хіосцы видятъ въ этомъ чудесное покровительство Провидѣнія.

Пароходъ, шедшій въ Смирну, присталъ къ оживленной набережной Хіоса, откуда послѣ осмотра нашего багажа въ турецкой таможнѣ, мы вышли на маленькую площадъ, полную муловъ, нагруженныхъ корзинами лимоновъ и апельсиновъ. На площадѣ стоитъ весьма неважный „Международный отель“, и изъ оковъ нашей комнаты мы могли наблюдать пеструю картину восточнаго базара. Хіосъ — значительный рынокъ камеди; двадцать двѣ деревни въ южной части острова существуютъ исключительно разводеніемъ мастичнаго дерева, и лавки полны самыхъ причудливыхъ кувшиновъ съ мастикой. Кромѣ того Хіосъ производитъ безчисленное множество вареній, между которыми особенно распространены варенья изъ апельсиновыхъ цвѣтовъ, розовыхъ листьевъ и мастики; лимоновъ растетъ на островѣ такъ много, что и изъ маленькихъ лимончиковъ также варятъ варенье. Въ каждомъ домѣ, куда бы вы ни зашли, вамъ предлагаютъ варенье и стаканъ воды.

*) Землетрясеніе на островѣ Хіосѣ, см. „Мой журналъ“, № 6.

Насъ особенно занималъ торговецъ кофе, безпрестанно сновавшій между лавками; на немъ были надѣты розовая рубашка, зеленый жилетъ, красная феска и національные широкіе синіе шаравары. Въ одной рукѣ онъ носилъ поднось, подвѣшенный какъ лампа, на которомъ стояли крошечныя чашки турецкаго кофе со стаканомъ воды по срединѣ; въ другой—щипцы съ раскаленнымъ углемъ, для зажиганія трубокъ своихъ кліентовъ. Человѣкъ этотъ не имѣетъ лавки, но устраивается со своими принадлежностями гдѣ-нибудь въ удобномъ уголку. Торговля его не прекращается ни на минуту, такъ какъ хіосцы пьютъ кофе цѣлый день и въ неограниченномъ количествѣ. Хіоскій базаръ не обширенъ, но чрезвычайно пестрый и веселый, и не представляетъ такой непроходимой толкотни, какъ базары большихъ восточныхъ городовъ.

Мы оставались въ городѣ только лишь для того, чтобы приготовиться къ путешествію въ одну изъ отдаленныхъ деревень, и за два дня до Рождества наши мулы уже стояли у подъѣзда отеля. Цѣль нашей поѣздки была деревня св. Георгія, на день пути отъ Хіоса, лежащая на склонахъ горъ, разделяющихъ островъ съ сѣвера на югъ. Погода была прелестная, свѣжая, но не холодная; все кругомъ было зелено и ярко, точно весною; подъ маслинами цвѣли анемоны, веренины кудри увивали колодези, и не будь развалинъ, здѣсь и тамъ внезапно напоминавшихъ намъ о земныхъ несчастіяхъ, мы смѣло могли бы вообразить себя въ саду Гесперидовъ.

Деревня св. Георгія оказалась одной изъ самыхъ счастливыхъ, находясь въ сторонѣ отъ линіи сильныхъ почвенныхъ толчковъ, и хотя многія стѣны потрескались, но всѣ дома уцѣлѣли. Остановившись въ главной кофейной, мы громко начали звать деревенскаго старшину.

— Мы намерены провести нѣсколько дней въ вашей деревнѣ, — заявили мы по прибытіи этого официального лица, — и желаемъ найти свободный домъ для помѣщенія.

Такое рѣшительное и повелительное обращеніе необходимо въ Хіосѣ, гдѣ иначе ничего не добьешься. Старшина повелъ насъ искать жилища, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ поисковъ, мы наконецъ наняли верхній этажъ въ домѣ одной сварливой гречанки со множествомъ дѣтей и молчаливымъ мужемъ. Она же взялась готовить для насъ. Видъ ея былъ престранный: голова обмотана была бѣлымъ тюбаномъ, концы котораго спускались позади; короткое синее платье едва покрывало колѣни, а толстыя ноги были совсѣмъ обнажены. Особа эта, называвшаяся госпожей Ставростъ, немедленно и вполне завладѣла нами, втащила наверхъ нашъ багажъ, привела все въ порядокъ, стремительно бросилась на дворъ, поймала курицу и начала ощипывать ее, пока мы разбирались и переодѣвались. Устройство наше заняло порядочно времени, и когда мы усьѣлись за ужиномъ со всѣми Ставростами, уже совсѣмъ стемнѣло. Ужинъ состоялъ изъ водянистаго супа, разваренной, какъ трыпка, курицы, остраго и пахучаго овечьаго сыра и фигъ въ родѣ кожи, которая возможно было ѣсть только съ начинкой изъ кунжутнаго сѣмени. Ставросты ѣли красную икру и маслины, такъ какъ они постились, но зато пили много хорошаго вина, за которымъ мы очень быстро свели дружбу со всею семьей.

На другое утро рано насъ разбудило пѣніе. Бросившись къ окну, я увидѣлъ передъ домомъ кучку пѣвшихъ мальчиковъ съ корзинками въ рукахъ. Среди нихъ стояла наша хозяйка, что-то съ жаромъ говоря имъ, и кладя въ каждую корзину пригоршни чего-то, что она вынимала изъ мѣшка. Наканунѣ Рождества дѣти утромъ, передъ обѣдней обходятъ всѣ дома, славятъ Христа и за это получаютъ орѣхи, миндаль, фиги, виноградъ и т. п. Каждая хозяйка еще съ вечера приготовляетъ полный мѣшокъ подобыныхъ сластей, чтобы одѣлать раннихъ пѣвцовъ.

Весь этотъ день мы ходили по деревнѣ. Въ каждомъ домѣ намъ подносили варенье, кофе и мастичный ликеръ. Я попробовалъ

было пожевать кусочек сырой мастики, но это оказалось крайне невкусно, и вперед я всегда отклонял подобное угощенье. Въ садахъ, позади деревни, садовники украшали цвѣтами шести, о которыхъ мы скажемъ ниже; на фермѣ намъ попадались волю съ красными рогами. Мы спросили, что это значитъ, и намъ объяснили, что въ сочельникъ каждый фермеръ убиваетъ свинью и кровью ея обмазываетъ рога скотины, чтобы она была здорова весь слѣдующій годъ.

Многія современные рождественскіе обычаи и обряды возникли здѣсь, въ греческомъ мірѣ, и то, что мы видѣли на этомъ греческомъ островѣ, сохранилось со времени византійскаго господства. Турецкое правительство никогда не вмѣшивалось въ религиозные обычаи, сохранившіеся на востокѣ въ такомъ же точно видѣ, какими они были въ первый періодъ христіанства. Восточная церковь, родоначальница христіанской церкви, была также родоначальницей всѣхъ христіанскихъ обрядовъ.

Хіосская елка, или по здѣшнему гѣмпна, принимаетъ различныя формы: шше устраиваютъ ее въ видѣ треножника, другіе — въ видѣ шеста, украшеннаго болѣе пестро чѣмъ художественно. Шестъ имѣетъ въ вышину аршина полтора и увить митовыми и масличными вѣтками и апельсиновыми листьями; среди зелени наткано огромное множество цвѣтовъ, гераній, апельсинавъ и т. п., а поверхъ всего прикрѣплены апельсины, лимоны и полоски золотой и цвѣтной бумаги.

Утромъ въ день Рождества арендаторы многочисленныхъ садовъ Хіоса отправляются къ своимъ хозяевамъ на мулахъ, съ гѣмпна впереди себя и парой куръ позади. Ихъ пріѣзжаетъ въ городъ цѣлая процессія, по триста и больше человекъ, и говорятъ, зрѣлище это очень красиво. Достигнувъ дома хозяина, крестьянинъ ставитъ шесть въ первой комнатѣ, чтобы имъ могли любоваться кто хочетъ, куръ отдаетъ хозяйкѣ, потомъ беретъ большіе кувшины, или амфоры, какъ они ихъ доселѣ назы-

ваютъ, и отправляется съ нимъ къ колодезю зачерпнуть воды для употребленія въ этотъ день.

Въ срединѣ дня каждый хозяинъ угощаетъ своихъ арендаторовъ хорошимъ сытнымъ обѣдомъ, за которымъ пьютъ за здоровье присутствующихъ, обмѣниваются привѣтствіями, поютъ пѣсни, а передъ возвращеніемъ домой, каждый поселянинъ получаетъ денежный подарокъ взаменъ своего приношенія. Грекъ никогда не даритъ, не ожидая въ свою очередь подарка, и этотъ обычай ставилъ насъ нѣсколько разъ въ затруднительное положеніе. Мы иногда дарили нашей хозяйкѣ кое-какія европейскія бездѣлушки, имѣвшія въ ея глазахъ громадную цѣнность. Она стремительно бѣжала къ шкафу или комоду и отдаривала насъ вышитымъ полотенцемъ, фарфоровымъ кувшиномъ и чѣмъ нибудь инымъ, цѣнностью несравненно превосходившимъ нашъ подарокъ.

Въ деревнѣ св. Георгія есть пять приходовъ, каждый со своей церковью, священниками, причтомъ и жезлоносцемъ, обязанность котораго состоитъ въ зажиганіи церковныхъ свѣчъ и лампадъ. Послѣ обѣдни всѣ они составляютъ „музыкальныя группы“: одинъ играетъ на лирѣ, другой на арфѣ, третій на цымбалахъ, четвертый поетъ ужасно однообразно и гнусливо. Жезлоносецъ, съ мѣднымъ подносомъ, во главѣ музыкантовъ водитъ ихъ весь день изъ дома въ домъ по приходу и собираетъ деньги. Но если въ домѣ есть больной, или же семья находится въ горѣ по случаю чьей нибудь смерти, то музыканты очень внимательно проходятъ мимо, посылая лишь жезлоносца за обычнымъ подаяніемъ. Но музыкантовъ отказываются принять только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; хіосцы имѣютъ такъ мало развлеченій, и всѣ рождественскіе обряды свято соблюдаютъ ими.

При приближеніи славильщиковъ, хозяинъ дома отворяетъ для нихъ дверь, привѣтствуетъ ихъ и проситъ войти, между тѣмъ какъ остальные члены семьи ставятъ для нихъ стулья въ глубинѣ комнаты. Сна-

чала поется пѣснь Рождеству, потомъ сла-
вать поочереди всю семью, отца, мать, до-
черей, сыновей; если есть женихъ или не-
вѣста, и для нихъ находится особый стихъ;
маленькихъ дѣтей, въ стихъ же, уговари-
ваютъ быть умниками и прилежно учиться
въ школѣ. Такихъ стиховъ существуетъ
множество, и многіе изъ нихъ даютъ по-
нятіе о давно прошедшихъ временахъ. По
окончаніи пѣнія, музыканты останавлива-
ются отдохнуть, цымбальщикъ кладетъ свой
инструментъ на полъ, жезлоносецъ туда
же ставитъ свой подносъ, и въ нихъ хо-
зяинъ дома опускаетъ приношеніе для при-
ходской церкви. Если въ числѣ присут-
ствующихъ есть повобрачные, они завя-
зываютъ въ платокъ фрукты и орѣхи для
музыкантовъ и цымбальщикъ прикрѣпляетъ
узелокъ на шею или къ поясу.

Когда музыканты уходятъ, хозяйка спѣ-
шитъ къ шкапу и вынимаетъ оттуда не-
избѣжный подносъ съ вареньемъ, кофе и
мастикой; угостившихъ посѣтителю ухо-
дятъ съ прощальными привѣтствіями.

Въ деревняхъ, гдѣ славяне вышло изъ
обычая, жители довольствуются однимъ бла-
гословеніемъ священника.

Въ рождественское утро священникъ
каждаго прихода отравляется по домамъ
съ жезлоносецъ, снабженнымъ подносомъ,
и причетникомъ съ кадиломъ; онъ благо-
словляетъ лавки и жилища, кропитъ свя-
тою водою товары, и мѣдныя монеты дож-
демъ смываются на подносъ.

Хотя обѣды нашей хозяйки не отлича-
лись особенной изысканностью, зато она
постоянно рассказывала намъ разныя ис-
торіи, и ради этой духовной пищи мы про-
щали недостаточность матеріальной. Она
сообщила намъ, что съ Рождества до Кре-
щения являются на землѣ демоны, въ видѣ
огромныхъ людей съ козлиными или осли-
ными копытами, — очевидно, остатки языче-
скаго вѣрованія въ древнихъ сатировъ. Во
время своего пребыванія здѣсь, они пи-
таются исключительно змѣями и ящери-
цами, но ночамъ заводятъ пляски и про-
никаютъ въ дома черезъ трубы, такъ

что наша заботливая хозяйка въ теченіе
этого опаснаго періода постоянно дер-
жала раскаленные угли въ каминѣ, изъ
опасенія, чтобы Калкагары (такъ называ-
ютъ этихъ духовъ) не вздумали бы спу-
ститься и испортить ея стряпню. При пер-
вомъ пѣніи пѣтуха они скрываются въ пе-
щеры въ горахъ, но окончателно исчеза-
ютъ только послѣ Крещенія; тогда они
проваливаются, предварительно рубя въ по-
дереву, поддерживающему землю и кото-
рое они въ концѣ концовъ подрубятъ со-
всѣмъ.

Существуетъ повѣрье, что если ловко
пустить въ Калкагароса горящій факель,
онъ превращается въ человѣка.

Разъ вступивъ въ область демонологіи,
добрая женщина не умолкала весь вечеръ,
рассказывая всѣ свои исторіи съ полной
вѣрой въ ихъ правдивость, что придавало
ея легендамъ особенно живой и увлека-
тельный характеръ.

На другой день задулъ холодный сѣвер-
ный вѣтеръ: наступила наконецъ зима,
особенно чувствительная для насъ, липен-
ныхъ всѣхъ привычныхъ удобствъ. Такой
вѣтеръ, почти равносильный бурѣ, обык-
новенно продолжается дѣльныхъ три дня, и
мы измучились отъ холода, безъ возмож-
ности согрѣться, потому что жаровня, по-
ставленная въ нашу комнату хозяйкой,
была не больше цвѣточнаго горшка, а
гореть тлѣвшихъ въ ней углей годилась
лишь для распространенія душливаго за-
паха.

На четвертый день выглянуло солнце.
вѣтеръ стихъ, и лѣто вернулось также бы-
стро, какъ исчезло. Быстрыя перемены
зимой на греческомъ Архипелагѣ изуми-
тельны и почти невѣроятны.

Наканувъ новаго года наша хозяйка
усердно занялась печеньемъ пироговъ изъ
муки, меда и сахара; сверху она ихъ рас-
цвѣчала разными красками, добытыми изъ
горныхъ травъ. Въ одинъ изъ этихъ пиро-
говъ она запекла монету; этотъ пирогъ
назывался „Царскимъ“, и тотъ, кому
доставался кусокъ съ монетой, могъ ожи-

дать себѣ большой удачи въ предстоящемъ году.

Вечеромъ дѣти опять явились съ цѣснями, называемыми „календами“, въ которыхъ они воспѣвали Иисуса Христа и св. Василія, заключая ихъ возгласомъ „много лѣта“ хозяевамъ дома. Въ награду ихъ одѣлили мастикой и мѣдными денгами. Позже ночью изъ дому въ домъ стали ходить группы молодыхъ людей, съ разукрашеннымъ шестомъ въ видѣ *ghanna*, увитымъ зеленью и цвѣтами и увѣшаннымъ колокольчиками, которыми они звонили передъ каждой дѣрью. Съ наступленіемъ совершенной темноты, они навѣсили на шесть зажженные фонари и продолжали свои странствія, подолгу останавливаясь у кофейныхъ домовъ и выпивая мастичнаго ликера.

Для новаго года наша хозяйка, какъ и всѣ остальные, приберегла отъ лѣта дыни, яблоки и груши. Нарѣзавъ пироги кусками, она разложила ихъ вмѣстѣ съ фруктами на тарелки, и послала своихъ дѣтей отнести ихъ роднымъ и друзьямъ. Тѣ, въ свою очередь, отдалили тѣмъ же, наградивъ маленькихъ посланцевъ мелкими монетами и добрыми пожеланіями. Хозяинъ дома въ этотъ день дарить каждому члену своего семейства по монетѣ, которую не тратятъ, а сохраняютъ въ видѣ талисмана; потеря монеты означаетъ угрожающее великое бѣдствіе.

Множество суевѣрныхъ примѣтъ наблюдаются грѣхами въ день новаго года. Наша хозяйка очень беспокоилась о томъ, кто первый утромъ переступитъ порогъ ея дома. Испугавшись приближенія чловѣка, считавшагося въ деревнѣ несчастливымъ, она поспѣшно вышла изъ дверей и все время говорила съ нимъ, загораживая входъ; когда собесѣдникъ ея отошелъ, она съ облегченіемъ перевела духъ. Впослѣдствіи она мнѣ объяснила, что если такое при-

послѣщее несчастье лицо взойдетъ 1-го января въ домъ, тамъ цѣлый годъ будетъ во всемъ неудача.

Церковь въ этотъ день была биткомъ набита, всякій старался начать годъ молитвой, и свѣчки ставились массами. Возвратившись домой, фермеръ беретъ гранату, и съ молитвой бросаетъ ее передъ собою въ дверь; потомъ онъ ее разбѣзаетъ, и раздастъ красныя зерна всѣмъ чадамъ и домочадцамъ. Обладательницы домашней птицы также соблюдаютъ обряды, доставляющіе принести счастье ея курамъ и пѣтухамъ. Первое лицо, входящее въ домъ, если только оно пользуется репутаціей счастливаго, приглашается сѣсть на метлу. Надъ головою посѣтителя хозяйка сыплетъ зерна, приговаривая:

— Пусть бы мои куры несли столько яицъ, сколько на твоей головѣ зеренъ.

Посѣтители въ этотъ день не должны забывать поднять на дорогѣ камень и, поднося его хозяйкѣ дома, выразить желаніе, чтобы ея корзины были также тяжелы какъ камни. Такой подарокъ цѣнится высоко и хранится до Крещенья, а посѣтителя усаживаютъ на метлу и просятъ бросить зерна птицы, чтобы обезпечить несеніе курами яицъ.

И много еще другихъ обрядовъ исполняются въ новый годъ. Народъ вѣритъ, что случившееся въ этотъ день, будетъ случаться и во весь годъ: если кто боленъ, болѣзнь будетъ продолжаться; если кто нибудь найдетъ что-либо, тому будетъ удача до слѣдующаго года. Къ счастью, въ семьѣ нашей хозяйки всѣ были здоровы; она сама нашла монетку, нарочно спрятанную мною въ ея корзинкѣ; и эта невинная хитрость навѣрное придала ей бодрости и терпѣнія переносить ежедневныя заботы, выпадающія на долю всѣмъ недостаточнымъ матерямъ большихъ семей.

